

А. М. Скабичевский

**История новейшей Русской литературы
1848-1890**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А. М. Скабичевский**
История новейшей Русской литературы: 1848-1890 / А. М. Скабичевский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 540 с.

ISBN 978-5-517-98945-1

ISBN 978-5-517-98945-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

- послѣдующихъ лѣтъ его жизни. *Подлинницы* и прочія его сочиненія.— Стр.
 А. И. Левитовъ. Факты и обстоятельства его жизни.—Сравненіе Левитова съ
 Рѣшетниковымъ. *Степные очерки* Левитова.—Характеръ и содержаніе
 послѣдующихъ его произведеній.—Н. И. Наумовъ. Его жизнь и сочиненія . 246.
- ГЛАВА XV.—Г. И. Успенскій и Н. Н. Златовратскій, какъ представители
 новой и послѣдней фазы беллетристики изъ народнаго быта. Дѣтство и юность
 Г. И. Успенскаго и неблагоприятныя условія первыхъ десяти лѣтъ его
 творчества.—Общій характеръ творчества Г. Успенскаго и характеристика
 перваго, разночинскаго, періода его дѣятельности.—Переходное состояніе и
 вступленіе во второй періодъ дѣятельности, мужицкій.—Г. Успенскій въ
 качествѣ разрушителя пллюзій въ возрѣвіяхъ интеллигенціи на народъ.—
 Г. Успенскій у источника. *Власть земли* и значеніе очерковъ, группирую-
 щихся вокругъ этого произведенія.—Біографическія свѣдѣнія о Златоврат-
 скомъ.—Характеристика сочиненій Златовратскаго и выводимыхъ имъ типовъ. 267.

IV. Беллетристы-публицисты.

- ГЛАВА XVI.—Беллетристы-публицисты. Ихъ дѣленіе по партіямъ. М. Е. Сал-
 тыковъ, какъ представитель демократической партіи. Дѣтскіе годы его и
 воспитаніе.—Ссылка, возвращеніе, служба, женитьба и редакторская дѣ-
 ятельность.—Черты его характера. Послѣдующіе годы и смерть.—Первый
 дореформенный характеръ его литературной дѣятельности. *Губернскіе*
очерки.—Второй періодъ, современный реформамъ. *Помпадуры и помпадуриши*.
Исторія одного города.—Третій періодъ—пореформенный (шестидесятые и
 семидесятые годы). *Ташкентцы*. *Дневникъ провинціала*. *Головлевы*.—Траги-
 ческій элементъ въ позднѣйшихъ сатирахъ Салтыкова.—Четвертый пе-
 ріодъ восьмидесятихъ годовъ. *Мелочи жизни*. *Сказки*. *Пошехонская старина*. 298.
- ГЛАВА XVII.—Н. Г. Помяловскій. Его дѣтство, воспитаніе и семинарскіе
 годы.—Остальные годы его жизни.—Характеристика его сочиненій: *Очерки*
бурсы, *Мьщанское счастье*, *Молотовъ*, *Братъ и сестра*, *Поръчане*.—Возни-
 кновеніе идеалистической школы беллетристики *Русскаго слова*, причины ея
 развитія и особенности ея. А. К. Шеллеръ. Главные факты его жизни.—
 Характеристика его произведеній.—Прочіе представители этой школы:
 П. В. Засодимскій, Н. Ѳ. Бажинъ, И. В. Ѳедоровъ (Омулевскій) 318.
- ГЛАВА XVIII.—Общая характеристика тенденціозной беллетристики либе-
 ральнаго лагеря. П. Д. Боборыкинъ. Факты его жизни и характеристика
 его литературной дѣятельности.—Е. Л. Марковъ, его жизнь и романы.—
 В. И. Немировичъ-Данченко, какъ путешественникъ, романистъ и поэтъ.—
 С. Н. Терпигоревъ. И. Саловъ.—Н. Д. Ахшарумовъ. Н. А. Лейкинъ. 329.
- ГЛАВА XIX.—Общая характеристика реакціонной беллетристики и ея шаб-
 лонъ—В. П. Ключниковъ.—Н. С. Лѣсковъ.—В. В. Крестовскій.—Б. М. Мар-
 кевичъ. В. Г. Авсѣенко. К. Ѳ. Головинъ. В. П. Авенариусъ 351.

V. Историческая беллетристика.

- ГЛАВА XX.—Два періода историческаго романа въ Россіи. Характеристика
 перваго періода. Движеніе исторіографіи въ шестидесятые годы, подгото-
 вившее второй періодъ.—Историческіи повѣсти и романы Н. И. Костомар-
 ова.—*Князь Серебряный* А. Толстого. *Война и миръ* Л. Толстого. *Два пор-
 трета* Тургенева. *Старые годы* Мельникова. Историческіе романы Г. П. Да-
 нилевскаго, Д. Л. Мордовцева и Е. П. Карновича.—Романы Е. А. Салиаса-де-
 Турнемира. Характеристика лубочнаго историческаго романа и представитель
 его Вс. Соловьевъ. 364.

VI. Беллетристы восьмидесятихъ годовъ.

- ГЛАВА XXI.—Новая беллетристическая школа, вызванная реакціею семи-
 десятыхъ годовъ, и ея особенности.—А. О. Новодворскій.—Біографическія
 свѣдѣнія о жизни В. М. Гаршина.—Характеристика его произведеній . . . 378.
- ГЛАВА XXII.—І. І. Ясинскій.—М. Н. Альбовъ.—К. С. Баранцевичъ.—Пе-
 тропавловскій (Каронинъ). А. И. Эртель. Г. А. Мачтетъ.—В. Г. Коро-
 ленко.—Маминъ (Сибирякъ). Д. Голицынъ (Муравлинъ). А. П. Чеховъ.
 В. І. Дмитриева. А. А. Виницкая. О. В. Шапиръ. М. В. Крестовская. . . 396.

VII. Драма и комедія.

- ГЛАВА XXIII.—А. Н. Островскій, какъ создатель русской сцены. Дѣтство и юность его.—Начало литературной дѣятельности и первый періодъ ея до эпохи реформъ.—Факты послѣдующихъ лѣтъ его жизни, недостатокъ матеріальныхъ средствъ и несправедливости. Улучшеніе его положенія въ послѣдніе годы жизни.—Общая характеристика пьесъ Островскаго: ихъ образцовая реальность, классическая простота и жизнерадостность.—Разносторонность точекъ зрѣнія Островскаго на жизнь и сложность изображаемыхъ явленій. Отсутствие односторонняго увлеченія какой-либо доктриной и слабость славянофильскаго вліянія въ пятидесятыя годы.—Глубокое проникновеніе демократическимъ духомъ времени и отраженіе этого духа въ пьесахъ перваго періода: *Не съ свои сани не садись*. *Бѣдность—не порокъ*. Драма *Не такъ живи, какъ хочется*, какъ апогей славянофильскихъ вліяній 419.
- ГЛАВА XXIV.—Переломъ въ творчествѣ Островскаго съ наступленіемъ эпохи реформъ и увлеченіе прогрессивными идеями. Значеніе пьесъ *Въ чужомъ тыру помяте* и *Не все коту масляница*, какъ похоронъ самодурства. Драма *Гроза* и противовѣсъ ея съ драмою *Не такъ живи, какъ хочется*.—Общее резюме всего вышесказаннаго. Положительные типы Островскаго.—Отрицательные типы. Универсальность изображенія русской жизни. Богатство языка.—Драматическая дѣятельность И. С. Тургенева и Писемскаго. Трилогія А. К. Толстого. А. И. Пальмъ.—А. А. Потѣхинъ.—И. Е. Чернышевъ. Н. Я. Соловьевъ. В. А. Крыловъ. Д. В. Аверкіевъ 439.

VIII. П о э з і я.

- ГЛАВА XXV.—Дѣтство и юность Н. А. Некрасова.—Послѣдующіе факты его жизни.—Два элемента творчества Некрасова. Характеръ рефлексивнаго элемента.—Характеръ разночинно-народнаго элемента.—Присутствіе обоихъ элементовъ въ стихотвореніяхъ изъ народнаго быта. Общій выводъ. . . . 455.
- ГЛАВА XXVI.—Биографическія свѣдѣнія о жизни Т. Г. Шевченко.—Характеристика его произведеній.—И. С. Никитинъ. И. З. Суриковъ. С. Д. Дрожжинъ.—А. Н. Плещеевъ.—Развитіе и процвѣтаніе въ шестидесятыя годы сатирической поэзіи. Прутковъ и А. М. Жемчужниковъ. В. С. Курочкинъ и его *Искра*. Д. Д. Минаевъ. 475.
- ГЛАВА XXVII.—Школа поэтовъ чистаго искусства. А. К. Толстой. Факты его жизни.—Характеристика его произведеній.—А. Н. Майковъ.—А. А. Шеншинъ (Фетъ).—Ө. И. Тютчевъ, Я. П. Полонскій.—Л. А. Мей. Н. Ө. Щербина.—Поэты-переводчики: Н. В. Гербель. П. И. Вейнбергъ. М. И. Михайловъ . . 495.
- ГЛАВА XXVIII.—Характеристика новыхъ скорбныхъ поэтовъ, выражающихъ современную эпоху. С. Я. Надсонъ. Факты его жизни.—Причина его популярности. Его нравственная фізіономія, характеръ и духъ его произведеній. С. Г. Фругъ.—Н. М. Минскій.—Д. С. Мережковскій. Новѣйшіе поэты чистаго искусства. А. Н. Апухтинъ, К. М. Фофановъ. А. А. Голенищевъ-Кутузовъ. С. А. Андреевскій, П. А. Козловъ и проч. 513.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Подъ исторіей литературы въ широкомъ смыслѣ этого слова подразумеваютъ часто исторію всѣхъ произведеній человѣческой мысли, способствовавшихъ умственному развитію общества, такъ что въ понятіе это входятъ кромѣ исторіи изящной литературы и критики также и разсмотрѣніе движенія наукъ, публицистики, прессы (т. е. возникновенія, паденія различныхъ органовъ печати и ихъ взаимныхъ отношеній между собою).

Авторъ не чувствуетъ себя въ силахъ совершить столь громадный трудъ, и полагаетъ, что для такой исторіи литературы послѣдняго сорокалѣтія не настало еще и время. Пришлось въ значительной степени сѣузить задачу и ограничиться тѣсными рамками исторіи *изящной литературы* и находящейся въ тѣсной связи съ нею *критики*. Поэтому въ книгѣ этой говорится лишь о такихъ дѣятеляхъ литературы, которые или прямо относятся къ изящной литературѣ, или такъ или иначе соприкасаются къ ней и лишь—на сколько соприкасаются. Такъ напримѣръ, говоря о Н. И. Костомаровѣ, авторъ разсматриваетъ его лишь какъ творца историческихкихъ романовъ и повѣстей, не считая входящимъ въ предметъ книги разсмотрѣніе его научныхъ заслугъ въ качествѣ исторіографа.

Такъ какъ духъ времени, идеи и всѣ перипетіи умственного движенія разсматриваемой эпохи наиболѣе ярко выразились въ критикѣ, то это дало большое удобство соединить общій обзоръ эпохи съ исторіей критики въ лицѣ ея главныхъ представителей, чѣмъ и заняты первыя семь главъ книги, а затѣмъ уже съ восьмой главы начинается исторія самой изящной литературы, какъ продукта, разсмотрѣннаго предварительно умственного движенія времени.

Авторъ старался по возможности представить характеристики всѣхъ мало-мальски выдающихся литературныхъ дѣятелей, но конечно не могъ избѣгнуть кое-какихъ пробѣловъ. О нѣкоторыхъ литераторахъ умолчено, по ихъ ничтожному значенію въ литературѣ, отсутствію оригинальной фізіономіи и своего собственнаго слова; другіе-же не подлежатъ исторіи.

потому что фізіономія ихъ еще не выяснилась, и они, не имѣя за собою никакого прошедшаго, принадлежатъ всецѣло будущему.

Обо многихъ писателяхъ какъ умершихъ, такъ въ особенности живыхъ, пришлось дать самыя скудныя біографическія данныя или-же и никакихъ не дать по неимѣнію ихъ. Подобнаго рода пробѣлы авторъ обѣщаетъ по возможности загладить въ слѣдующихъ изданіяхъ своей книги, особенно если тѣ изъ находящихся въ живыхъ писателей или родственники умершихъ, которые найдутъ недостаточными сообщенныя о нихъ свѣдѣнія, будутъ столь добры и любезны, что пришлютъ дополненія къ ихъ біографіямъ или поправки невѣрно сообщенныхъ фактовъ.

А. Скабичевскій.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I—Слѣдуетъ-ли ставить Гоголя во главѣ новаго періода литературы съ эстетической точки зрѣнія и со стороны содержанія его произведеній. II—Картина старыхъ литературныхъ нравовъ. III—Московскіе философскіе кружки тридцатыхъ годовъ, приведеніе къ полному измѣненію литературныхъ нравовъ. IV—Типъ умственного развитія стараго періода. V—Новый типъ умственного развитія. VI—Народность, какъ основная идея новаго періода литературы.

I.

Литературная эпоха, съ которою намъ придется имѣть дѣло въ этой книгѣ, считается обыкновенно гоголевскимъ періодомъ нашей литературы, такъ какъ ее прямо и непосредственно ведутъ отъ Гоголя, который будто-бы произвелъ полный переворотъ въ нашей беллетристикѣ, создалъ такъ называемую натуральную школу, и литература наша до сего времени представляетъ прямые послѣдствія этого переворота. И вотъ прежде всего слѣдуетъ намъ отрѣшиться отъ этого предразсудка, который очень мѣшаетъ правильному пониманію характера и значенія послѣдней эпохи нашей литературы. Возникъ онъ какъ нельзя болѣе просто и естественно. Когда произведенія Гоголя обратили на себя всеобщее вниманіе, и молодежь подъ вліяніемъ Бѣлинскаго зачитывалась ими, въ числѣ этой молодежи находились и тѣ многочисленныя будущіе писатели, которые явились на литературное поприще въ теченіи сороковыхъ годовъ. То новое, что эти писатели впоследствии внесли въ нашу литературу, конечно въ то время еще не существовало, и никто его не предвидѣлъ. Произведенія Гоголя представлялись послѣднимъ словомъ литературы. Образы ихъ потрясали юныя сердца своею геніальностью и вмѣстѣ съ тѣмъ исключительною отрицательностью вполне гармонировали съ мрачнымъ колоритомъ времени. Въ то-же время Бѣлинскій не переставалъ твердить, что съ Гоголя начинается новая эпоха нашей литературы, рѣшительный ея поворотъ на путь натурализма. И вотъ молодое поколѣніе сороковыхъ годовъ мало-по-малу привыкло смотрѣть на Гоголя, какъ на единственнаго своего учителя, которому оно исключительно обязано всѣмъ литературнымъ достоинствомъ.

Но если мы постараемся уяснить себѣ болѣе точно и опредѣленно, чѣмъ-же собственно писатели сороковыхъ годовъ и послѣдующіе были обязаны Гоголю, то мы должны будемъ придти къ заключенію, что вліяніе Гоголя на послѣдующую литера-

туру далеко не было ни такимъ всеобъемлющимъ, ни такимъ исключительнымъ, какъ мы привыкли думать.

Если мы будемъ разсматривать вліяніе Гоголя съ одной эстетической точки зрѣнія, будемъ считать его родоначальникомъ натурализма въ Россіи, то намъ со всѣхъ сторонъ могутъ возразить: на какомъ основаніи угодно намъ начинать натурализмъ непосредственно съ Гоголя, а не съ Пушкина? Чѣмъ-же не натуральны *Повѣсти Бѣлкина*, *Капитанская дочка*, *Арапъ Петра Великаго*, *Графъ Нулинъ*, *Домикъ въ Коломнѣ*, наконецъ, хотя-бы и *Евгеній Онегинъ*? Пушкинъ потому уже имѣетъ болѣе правъ считаться первымъ образцовымъ натуралистомъ въ Россіи, что онъ — всестороннѣе Гоголя, у котораго лишь въ первыхъ романтическихъ произведеніяхъ вы встрѣчаете положительные элементы жизни; въ позднѣйшихъ-же — наиболѣе зрѣлыхъ — господствуютъ элементы отрицательные. Прямое вліяніе Гоголя поэтому на послѣдующихъ писателей только и видно тамъ, гдѣ у нихъ является комизмъ, юморъ. Но развѣ можно сказать, чтобы всѣ они были въ такой-же степени юмористами, какъ Гоголь?

Въ томъ-то и дѣло, что натурализмъ является въ русской литературѣ вовсе не въ видѣ *coup d'état*, внезапнаго открытія, принадлежащаго одному какому-нибудь писателю. Это не вопиственный завоеватель, вторгшійся, Богъ вѣсть, откуда и разомъ все перевернувшій кверху дномъ, а мирный колонизаторъ, постепенно, медленно и незаметно прокрадывавшійся въ нашу литературу въ продолженіи всей первой половины нынѣшняго столѣтія, и притомъ, собственно говоря, не въ одну нашу, а и во всѣ европейскія. Всюду на знамени романтизма красовалось слово „народность“, и эта именно народность въ связи съ различными демократическими вѣяніями и обратила вниманіе писателей на жизнь маленькихъ людей, составляющихъ народныя массы, что и привело всѣ литературы прямо къ натурализму.

Замѣчательно, что и Бѣлинскій, наиболѣе склонный производить натурализмъ исключительно отъ Гоголя, въ послѣднемъ своемъ обзорѣ *), напротивъ того, первые задатки натурализма видитъ уже въ Кантемирѣ, Фонвизинѣ, Крыловѣ, а тѣмъ болѣе въ Пушкинѣ:

«Наконецъ,—говоритъ онъ,—явился Пушкинъ, поэзія котораго относится къ поэзии всѣхъ предшествовавшихъ ему поэтовъ, какъ достиженіе относится къ стремленію. Въ ней слились въ одинъ широкій потокъ оба (идеальный и реальный), до того текшіе отдѣльно ручья русской поэзіи. Русское ухо услышало въ ея сложномъ аккордѣ и чисто русскіе звуки. Несмотря на преимущественно идеальный и лирический характеръ первыхъ поэмъ Пушкина, въ нихъ уже вошли элементы жизни дѣйствительной, что доказывається смѣлостью, въ то время удивившею всѣхъ, ввести въ поэму не классическихъ итальянскихъ или испанскихъ, а русскихъ разбойниковъ,—не съ кинжалами и пистолетами, а широкими жоками и тяжелыми кистенями, и заставить одного изъ нихъ говорить въ бреду про кнутъ и грозныхъ палачей. Цыганскій таборъ съ оборванными шатрами между колесами телѣгъ, съ пляшущимъ медвѣдемъ и нагими дѣтми въ перекидныхъ корзинкахъ на ослахъ, былъ тоже неслыханною дотола сценою для кроваваго трагическаго событія. Но въ *Евгеніи Онегинѣ* идеалы еще болѣе уступили мѣсто дѣйствительности или по крайней мѣрѣ то и другое до того слилось во что-то новое, среднее между тѣмъ и другимъ, что поэма эта должна по-

*) *Взглядъ на русскую литературу 1847 г.*, кн. XI, стр. 338—340.

справедливости считаются произведениемъ, положившимъ начало поэзіи нашего времени. Тутъ уже натуральность является не какъ сатира, не какъ комизмъ, а какъ вѣрное воспроизведеніе дѣйствительности со всею ея добромъ и зломъ, со всею ея житейскими дрязгами; около двухъ или трехъ лицъ, опозитизированныхъ или нѣсколько идеализированныхъ, выведены люди обыкновенные, но не на посмѣшище, какъ уроды, какъ исключенія изъ общаго правила, а какъ лица составляющія большинство общества. И все это въ романѣ, писанномъ стихами!

«Что-же въ это время дѣлалъ романъ въ прозѣ? Онъ всеми силами стремился къ сближенію съ дѣйствительностью—къ натуральности. Вспомните романы и повѣсти Нарѣжнаго, Марлинскаго, Загоскина, Лажечникова, Ушакова, Вельмана, Полевого, Погодина. Здѣсь не мѣсто разсуждать о томъ, кто изъ нихъ больше сдѣлалъ, чей талантъ былъ выше: мы говоримъ объ общемъ имъ всею стремленіи—сблизить романъ съ дѣйствительностью, сблизить его вѣрнымъ ея зеркаломъ».

Такимъ образомъ Гоголь является вовсе не такимъ новаторомъ, которые вводятъ нѣчто совершенно до нихъ небывалое и совершаютъ полный переворотъ въ судьбахъ литературы. Онъ повиновался лишь общему теченію развитія современной ему литературы и представляетъ одну изъ ступеней ея спуска изъ облачныхъ высотъ на почву дѣйствительности. Послѣдующіе-же литераторы отнюдь не остановились на этой ступени, а пошли далѣе, не довольствуясь односторонностью, какою отличается натурализмъ Гоголя.

Тѣмъ менѣе послѣдующіе писатели могли быть обязанными Гоголю относительно идейнаго содержанія его произведеній. Гениальная мѣткость, съ которою осмѣивалъ онъ именно то, что было въ его время наиболѣе пошлаго и грязнаго на Русь, была вполне инстинктивна, и произведенія Гоголя поражаютъ отсутствіемъ какихъ-либо сознательныхъ идеаловъ, во имя которыхъ осмѣивалась дѣйствительность. Это смущало постоянно самого Гоголя, заставляя его прибѣгать къ разнымъ патяшутымъ объясненіямъ внутреннихъ пружинъ своего смѣха: вродѣ „незримыхъ міру слезъ“ или „страха грядущаго закона“. Наконецъ, въ *Исповѣди* своей онъ самъ признался откровенно, что своимъ смѣхомъ онъ просто-на-просто лечился отъ тоски, ему самому необъяснимой, и, чтобы развлекать себя, придумывалъ все смѣшное, что только могъ выдумать, *вовсе не заботясь о томъ, зачѣмъ это, для чего и кому отъ это, о выйдеть какая польза*. Лишь приступивши къ *Мертвымъ душамъ*, Гоголь впервые началъ задумываться надъ тѣмъ, *зачѣмъ, къ чему это, что долженъ сказать собою такой-то характеръ, что должно выразить собою какое-то явленіе?* Результатъ подобнаго законнаго стремленія осмыслить свой смѣхъ, пайти для него разумныя основанія, былъ, какъ извѣстно, очень печаленъ для Гоголя: вслѣдствіе крайней скудности философскаго образованія, Гоголь началъ добиваться осмысленія своего творчества не путемъ усвоенія передовыхъ европейскихъ идей своего вѣка, а нравственнымъ самоуглубленіемъ, и запутался въ лабиринтѣ мистико-аскетическихъ умствованій.

Теперь спрашивается, что-же общаго съ Гоголемъ съ этой стороны вы найдете у всѣхъ послѣдующихъ за нимъ писателей? Отношеніе ихъ къ дѣйствительности отнюдь не носитъ такого характера художественной безцѣльности, какъ это мы видимъ у Гоголя; напротивъ того, они съ первыхъ своихъ шаговъ на литературномъ поприщѣ начали анализировать жизнь на основаніи вполне сознательныхъ и опредѣленныхъ

идеаловъ, внушаемыхъ имъ различными вѣщями ихъ вѣка. Сужно-ли и прибавлять, что идеалы эти не имѣютъ ничего общаго съ тѣми мистико-аскетическими теоріями, въ которыхъ путался Гоголь.

Однимъ словомъ, Гоголя съ его гениальнымъ смѣхомъ и со всѣми его безсмертными твореніями отноду не слѣдуетъ ставить впереди новаго вѣка. Напротивъ того, имъ заканчивается вѣкъ старый, — періодъ съ одной стороны выработки литературнаго языка и формъ, съ другой — перехода литературы съ почвы подражательности, риторичности и отвлеченности на почву народности, самобытности и реализма. Гоголь довершилъ эту вѣковую работу. Послѣ него осталась литература съ прекрасно-выработаннымъ языкомъ, стихотворнымъ и прозаическимъ, вполне реальная и самостоятельная. Не доставало этой литературѣ лишь одного, чтобы быть въ истинномъ смыслѣ этого слова европейскою: осмысленнаго, идейнаго содержанія, которое могло-бы поставить ее впереди своего времени. Этимъ и объясняется, почему Пушкинъ, Лермонтовъ и Гоголь въ переводахъ на иностранныя языки, поражая европейскихъ читателей своею гениальностью, въ то-же время далеко не въ такой степени удовлетворяли и увлекали, чтобы кому-либо пришло въ голову ставить ихъ во главѣ европейскаго движенія, какъ ставились некогда Шиллеръ, Гёте, Байронъ, впоследствии Диккенсъ, Теккерей, В. Гюго, Ж. Зандъ, Бальзакъ, а нынѣ ставятся и русскіе писатели — Тургеневъ, Л. Толстой, Достоевскій. На вышеозначенныхъ классиковъ нашихъ смотрѣли, какъ на писателей, при всей ихъ гениальности, мѣстныхъ, любопытныхъ, какъ первые проблески только-что начинавшагося пробуждаться русскаго національнаго гения. Людямъ, не предубѣжденнымъ противъ Россіи и всего русскаго, могли нравиться въ этихъ гениальныхъ проблескахъ неподдѣльная и горячая любовь къ родинѣ, чуждая въ то-же время патріотическаго ослѣпленія и національной кичливости до такого по-истинѣ героическаго пеллцепріятія, что этимъ писателямъ ничего не стоило выставить на-показъ самыя мрачныя стороны русской жизни; во-вторыхъ, кристальная нравственная свѣжесть и цѣльность, отсутствіе малѣйшей лжи, фальши, напыщенной риторики, идеально-честное, подвижнически-бережное отношеніе къ каждому произносимому слову. Но не находили европейцы одного въ произведеніяхъ русскаго классика, для нихъ самаго главнаго: тѣхъ великихъ идей и роковыхъ вопросовъ жизни, какіе волновали въ то время Европу, а гдѣ и встрѣчались кое-какіе намеки на эти идеи и вопросы, отношеніе къ нимъ поражало или дѣтскою незрѣлостью, или легкостью поверхностнаго диллетанства.

Мы несколько не ставимъ въ вину этого недостатка нашимъ классикамъ тридцатыхъ годовъ. Онъ ни мало не мѣшалъ имъ стоять во главѣ русскаго общества, имѣть большое образовательное вліяніе на массу русскаго читателя, младенчески-чуждыхъ всякаго умственного развитія и образованія и еще болѣе далекихъ отъ европейскаго движенія идей. Наконецъ, никогда потомство не забудетъ той великой и неопѣвненной заслуги, какую оказали эти литературные корифеи, создавъ литературный языкъ, формы и наконецъ поставивши литературу на почву самобытности и реальности. Однимъ словомъ, они завѣщали своему потомству великолѣпный инструментъ, отлично приспособленный для разыгрыванія на немъ какихъ угодно величественныхъ и глубокомысленныхъ классическихъ симфоній. Недоставало только музыкантовъ, которые были-бы

способны умѣло и разумно воспользоваться этимъ инструментомъ. Музыканты эти не замедлили явиться, и съ нихъ-то собственно и начинается совершенно новая эпоха въ нашей литературѣ.

II.

И дѣйствительно, передъ нами является эпоха до такой степени новая, представляющая такой полный переворотъ во всѣхъ литературныхъ сферахъ, что мы видимъ не одно только выселеніе новаго содержанія въ художественныя произведенія, но полное измѣненіе всѣхъ литературныхъ нравовъ и отношеній.

Старые литературные нравы отражали до извѣстной степени патриархальныя понятія, господствовавшія въ обществѣ нашемъ въ XVIII и до половины XIX столѣтій. Вплоть до пятидесятихъ годовъ въ литературномъ мірѣ существовала своя табель о рангахъ, свое мѣстничество и ревностное чинопочтаніе. Во главѣ литературы издревле господствовалъ особеннаго рода Олимпъ, на которомъ возсѣдали въ видѣ литературныхъ боговъ писатели первой величины, каждый со своею свитой. Затѣмъ слѣдовали писатели второстепенные, третьестепенные и т. д., вплоть до журнальнаго плебса, пресмыкающагося въ самоѣ низу, пишущаго ради презрѣнныхъ денегъ, корыстныхъ барышей и чуждыхъ поэтому того высшаго литературнаго благородства и безкорыстія, которыя казались свойственны лишь особаго рода избранникамъ.

Но съ презрѣніемъ смотря на честно заработанныя литературнымъ трудомъ деньги олимпійцы, въ то-же время, были очень падки на подачки свыше. Они упорно держались стараго покровительственнаго режима и поэтому старались вращаться въ великосвѣтскихъ кругахъ, проникать по-возможности въ придворныя сферы и всячески заискивать у сильныхъ міра, добываясь то пенсіи, то уплаты долговъ, то какой-либо льготы. Это конечно обязывало, и олимпійцы лишь къ маленькимъ смертнымъ вошляли:

«Подите прочь, какое дѣло
Поэту мирному до васъ?»

Что-же касается меценатовъ, то конечно къ нимъ подобныя гордыя восклицанія не могли относиться. Напротивъ того, приходилось быть тише воды, ниже травы.

Въ литературномъ отношеніи олимпійцы составляли особенное общество, негласное и неорганизованное, но все-таки представлявшее изъ себя нѣчто вродѣ академіи пзынціи словесности. Все они были связаны другъ съ другомъ узами болѣе или менѣе короткой дружбы. Старшіе покровительствовали младшимъ, поощряли ихъ и способствовали ихъ усиленіямъ мудрыми старческимъ совѣтами, оказывали имъ протекцію въ высшихъ сферахъ; младшіе благоговѣли передъ старшими, поклонялись имъ, внимали ихъ наставленіямъ и ликовали, когда старшіе пріобщали ихъ къ своему олимпійскому сонму. И дѣйствительно, тутъ было изъ-за чего ликовать: пока олимпійцы не приближали къ себѣ писателя и не возвышали до себя, нечего было и думать попасть въ число олимпійцевъ. Журналы могли сколько угодно расхваливать какого-нибудь своего любимца и признавать въ немъ хотя всемірнаго генія, какъ, на примѣръ, Сепковскій сдѣлалъ это съ Кукольниковомъ. Писатели вродѣ на примѣръ Загоскина и

Марлинскаго могли приобрести самую огромную популярность, по всего этого было недостаточно, чтобы они дѣлались въ глазахъ публики олимпійцами, пока послѣдніе сами не провозглашали его своимъ. И наоборотъ, разъ избранникъ удостоивался этой чести, никакіе критическіе перуны не могли поколебать его репутаціи: олимпіецъ былъ неуязвимъ. Надеждникъ могъ писать какіе угодно злые памфлеты на Пушкина; на Гоголя могла ополчиться цѣлая рать критиковъ, начиная съ братьевъ Полевыхъ и кончая Сенковскимъ и Булгаринимъ, но это нимало не вело къ уменьшенію ихъ литературнаго величія.

Нельзя сказать, чтобы въ литературѣ того времени не было направленій, лагерей партій, стремившихся проводить тѣ или другіе литературные принципы и вступавшихъ изъ-за нихъ въ ожесточенную борьбу. Такъ, карамзинисты боролись съ шипковистами, романтики—съ классиками. Но вся эта борьба велась преимущественно въ средѣ журнальнаго плебса. Олимпійцы если и принимали въ ней участіе, то лишь въ молодые годы, платя дань юности; впоследствии-же, съ лѣтами, они обыкновенно казались въ своихъ полемическихъ подвигахъ, какъ въ грѣхахъ молодости, и все болѣе и болѣе замыкались въ гордыхъ снѣжныхъ вершинахъ своего недоступнаго Олимпа. Одинъ только Пушкинъ, слишкомъ живой и горячій для такой замкнутости, постоянно нарушалъ святость Олимпа, то раздражаясь злою эпиграммой на какого-нибудь Булгарина, то вдругъ предпринявшій изданіе *Современника*, т.-е. рѣшившійся вмѣшаться въ толпу журнальной черни, хотя, по правдѣ сказать, журналъ вышелъ вполне олимпійскій, какъ по своей великосвѣтской чопорности и сухости, такъ и по самой цѣли *возвратить критику снова въ руки малаго избраннаго кружка писателей, уже облеченнаго уваженіемъ и довѣренностью публики.*

Стремясь такимъ образомъ снова взять въ свои руки критическое законодательство, которое нѣкогда, главнымъ образомъ, сосредоточивалось на Олимпѣ, въ тридцатые-же годы начало замѣтно выскальзывать изъ рукъ олимпійцевъ, послѣдніе не подозрѣвали, что часъ ихъ пробилъ. Они ратовали главнымъ образомъ противъ той безпутной, пристрастной и гаерской критики, которая воцарилась тогда въ петербургской журналистикѣ и преимущественно на страницахъ *Библиотеки для Чтенія*, но въ то-же время и не замѣчали, какъ совершенно въ сторонѣ отъ нихъ и вѣкъ ихъ вѣдѣнія росла огромная сила, готовившаяся упразднить ихъ гордый Олимпъ, и росла эта сила въ тѣхъ самыхъ утлыхъ и жалкихъ по вѣшнему виду московскихъ журнальчикахъ, каковы были *Телескопъ* и *Молва*, о которыхъ Гоголь въ своей передовой критической статьѣ въ № 1 *Современника* (*О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1845 годахъ*) отзывался съ чисто-олимпійскимъ пренебреженіемъ.

III.

Эта новая грядущая сила представлялась въ теченіе тридцатыхъ годовъ въ видѣ никому невѣдомыхъ трехъ философскихъ кружковъ молодежи: кружка Герцена, Станкевича и Кирѣевскихъ. Кружки эти то сходились, то расходились между собою и, наконецъ, къ началу сороковыхъ годовъ слились въ два окончательно сплотившіеся лагеря—петербургскій лагерь западниковъ, группировавшійся вокругъ Бѣлинскаго, и